

18+

Эдди Спэрроу
Постановка длиною в жизнь

Эдди Спэрроу

Постановка длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114132

ISBN 9785005007322

Аннотация

Дворянин, Солдат, Леди, Принц, Куртизанка, Бармен... Кто эти люди – всего лишь актёры, которых пригласила для новой пьесы Постановщица? Когда на репетиции дуэли оказывается, что один револьвер заряжен, то, стоя над трупом, все начинают задаваться вопросами. Они увиделись лишь на репетиции или их судьбы были сплетены задолго до встречи на сцене? С какой целью каждый из них откликнулся на предложение поучаствовать в пьесе? Говоря словами одного из персонажей: «Сюжет настолько убийственный, что...»

Содержание

10 часов	6
и 30 минут назад	6
10 часов	14
9 часов	18
и 59 минут назад	18
9 часов	22
9 часов	26
8 часов	35
7 часов	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Постановка длиною в жизнь

Эдди Спэрроу

Автор обложки Helen Jakubaytes

© Эдди Спэрроу, 2020

ISBN 978-5-0050-0732-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стрелки на часах указывали на шесть утра, но помещение сохраняло свой полумрак. Силуэты, растворившиеся в нём, сидели друг напротив друга. В их глазах злость, сомнение и страх спрессовывались в гранитную решимость сделать всё что угодно, лишь бы выйти из этого места живыми.

Обмануть.

Сбежать.

Убить.

Любое преступление, любой грех, на которые способен человек, сегодня здесь дозволены. При этом участники не были лишены чувства жалости друг к другу. В целом они были готовы на всё, кроме одного – никаких компромиссов.

Они сидели на небольшой сцене, зал перед которой был уставлен множеством старых и пыльных столиков. Тут и там блестели лужи крови, отражая слабый свет нескольких постоянно моргающих сценических ламп. Спектакль уже подходил к концу, а все задействованные в нём лежали в разных местах отнюдь не от скуки. Если бы человек, мирно уткнувшийся лицом в кровавое пятно на столе, был жив, он бы пошутил что-то в стиле: «Сюжет настолько убийственный, что никто не выжил». Кроме сидящих на шатких стульях среди сцены. Через пять минут ещё один из них умрёт.

10 часов

и 30 минут назад

Возня в зале не стихала ни на минуту, как и негромкие переговоры о предстоящем спектакле, однако, казалось, что никого не волнует исход репетиции. Говорили о том, кто станет возле дешёвого картонного дерева, кто – к такой же картонной хижине, кому стоит вскрикнуть и упасть в обморок, а кому нужно сохранять каменное выражение лица. Каждый делал то, что должен, не от души, а от нужды.

– Прямо как в школе, – сказал мужчина, одетый, как английский дворянин девятнадцатого века.

Пыльно-серая ковровая дорожка вела меж столиков к полукруглой сцене, украшенной мелкими лампочками по краю. Такими маленькими, что они не могли осветить ничего, кроме своих проводов, зафиксированных гнутыми гвоздями. Постановщик (женщина, которую все называли «Постановщица») решила, что эта рампа придаст особую театральную атмосферу, но лампочки только мешали спрыгивать со сцены и бросались бликами в глаза. Даже сама Постановщица постоянно капала в глаза раствор для снятия раздражения. Всегда так странно использовать для глаз средства, выполняющие функции слезы, что некоторые погово-

ривали, мол, Постановщица чем-то болеет, поэтому такая худая, грустная и всегда с красными глазами. А кто-то заметил, что один раз она плакала на кухне.

На месте основного театрального действия, где расположились картонные декорации, изображающие старинные дома, деревья и пару кустов, стоял тот самый человек в дворянской одежде, посматривая то на свою речь, то на собеседника.

– Я помню, как все активно репетировали разные постановки, каждый год, в каждом классе от начальной до средней школы, – говорил Дворянин. – На праздники, вроде Рождества. Каждый предлагает что-то, приходит на все репетиции, но никому нет до этого дела. Понимаешь? Пассивная активность – они участвуют, но им это не нужно. Знают, что должны это делать, знают, что при хорошем подходе получают за это что-нибудь выгодное. Но это не от души, ведь им это к черту не сдалось. Я вижу здесь примерно тоже самое.

Его собеседник был одет, как потрёпанный солдат той же эпохи. Он пристально смотрел в лист бумаги, держа его на расстоянии вытянутой руки. Буквы были слишком большие для его глаз – вблизи они размывались в единую мыльную полосу чёрного цвета с проблесками. Было намного легче читать сценарий из рук другого человека. Дворянин же, наоборот, смотрел на лист чуть ли не в упор из-за своей близорукости. Но очки он не носил. Оправдывал это тем, что глаза привыкают и зрение ухудшается, в то вре-

мя как без очков глазные мышцы разминаются. Своего рода тренировка.

Солдат знал, что это неправда. В школе Дворянина дразнили за его круглые очки, доставшиеся от отца, а тому – от его отца. Семья была достаточно бедна, чтобы беречь вещи до тех пор, пока это не называли раритетом, после чего можно было продать свой хлам в интернете и купить еды на целый месяц (хотя на деле такое удалось лишь раз со старым «полароидом»). И сейчас Дворянин шурился на свой текст так, как смотрят на жену после её вопроса: «Ничего не замечаешь?»

– Не пойму, – говорит он. – Зачем им это? Работа должна приносить удовольствие. Или деньги. Я здесь за первым, потому что денег за это мы, думаю, не получим.

– Почему? – спросил Солдат.

– Думаешь, кто-то придёт на этот концерт? – он показал рукой в сторону деревянных столов перед сценой и барную стойку. Бутылки там были покрыты паутиной. – Нужна очень хорошая реклама. Постановщица сразу сказала, что денег нет, но есть желание. У меня оно тоже есть, мне нравится сценарий, мне нравится играть свою роль. А тебе?

Их незаметно слушал третий человек – молодой парень, что лишь мотал головой, глядя на их увлеченное обсуждение. Парень этот будто был взят с обложки глянцевого журнала, а его костюм георгианской эпохи делал из него персонажа картины какого-то великого художника.

– Идиоты, – прошептал он, глядя на двух мужчин, обсуждающих сценарий. Хотел было вмешаться в диалог да обсудить, зачем ему этот спектакль...

Но вдруг взгляд его переключился на девушку в пышном платье и с заколотыми сзади волосами. Её внешность вызывала интерес, как сюрреалистичные картины Дали.

Их взгляды столкнулись, и на какое-то мгновение всё вокруг будто замедлилось. Парень слегка улыбнулся. Девушка тоже улыбнулась. Эти гладкие губы, мило растянувшиеся, напоминали ему вкус пудинга. Волосы, покрытые лаком, держались на голове, подобно соломе, и он захотел распустить их и растрепать, сделав её красоту естественной. Он увидел её такой, какой не видел никто, – настоящей, с нескрываемой красотой, рвущейся страстью, сбрасывающей с хрупкого тела эту золотистую ткань, имитирующую роскошь. Истинная роскошь кроется за всеми этими тряпками.

...Она медленно отводит взгляд и ускоряет шаг, волоча за собой подол платья.

– Эй, Принц!

Его выдернули из его пьянящего омута мыслей, и он нехотя отвел взгляд от Леди. К нему направляется худая и высокая женщина – постановщик всего этого спектакля. Почему-то ему было неприятно смотреть на неё. Леди и Постановщица – как два контраста. Словно «Рождение Венеры» или «Сиктистинская Мадонна» была перед его взором.

Гид в галерее говорит: «Теперь посмотрите на эту картину».

И он невольно смотрит и видит смешение «GallowgateLard» и «Крик» Эдварда Мунка.

Он видит усталое белое лицо с тонкими бровями, что сливаются со лбом – издали их даже не видно. Впавшие темные глаза и кроваво-алые, как лепестки роз, губы. Голова, что держится на тонкой шее, придерживая себя такими же тонкими руками, как скульптура из проволоки.

Он видит Постановщицу.

– Ты уже выучил текст? Перестань смотреть на всех! – её голос, как голос актёра, озвучивающего фильм, будто не принадлежит ей, не подходит, но звучит гладко и ласково. Но если бы ей надо было изобразить гнев и раздражение, то она бы изображала это лишь мимикой, но никак не голосом. Тон её всегда в состоянии штиля. Она изображает строгость, но звучит, как мать, зовущая на ужин: – Через несколько минут последний акт.

Он кивнул, глядя перед собой. Лишь бы не смотреть на неё – это изошрённое искусство, которое так любимо многими.

– Это слишком просто, – говорит он.

– Ты не слишком самоуверен? – она сложила костлявые руки, держа стопку бумаг и карандаш.

Принц бы выглядел излишне зазнавшимся, если бы только и правда это не давалось ему так легко. Как и всё, с чем

он сталкивался когда-либо.

– Вы его не знаете, – послышался молодой женский голос из-за кулис.

Там на ящике сидела девушка с растрёпанными волосами, потёкшей тушью под глазами и в рваной одежде. Чиркнув пару раз зажигалкой, она закурила тонкую сигарету.

– В третьем классе он выучил всю пьесу Шекспира. На первом курсе читал лекции перед экзаменом – этого хватало, чтобы сдать зачёт. О последующих его достижениях можно даже не говорить, – заявила девушка.

Она исполняла роль обычной куртизанки с тяжёлой историей. Её повадки были пропитаны такой правдивостью, словно она не играла, а действительно жила этой судьбой. Впавшие щёки и усталые большие глаза придавали ей измотанный, угнетенный вид, но в её чертах находилось и что-то манящее. Даже Принц видел в ней своего рода красоту, но не признавал это перед собой.

– Здесь запрещено курить! – воскликнула Постановщица. О восклицании говорила лишь громкость голоса. Тон всё ещё был спокоен.

Куртизанка неспешно выпустила дым изо рта и тихо спросила:

– Где ещё?

– Сзади есть выход, через кухню.

– Там дверь заперта.

– Тогда вышла бы через главный.

– Мне прям в таком виде стоять на морозе? – Она потянула за изорванную майку, открывающую плоский живот и чуть обнажающую грудь. Поэтому она плотнее стянула шаль.

Постановщица нервно вздохнула, но промолчала, отложив в дальний шкаф принципы и манеры, а девушка пустила в её сторону клуб дыма, но тот, естественно, растворился почти сразу.

Принц лишь усмехнулся, глядя на неё.

– Чего? – кинула она.

– Где твои манеры? – с иронией спросил он.

– Я играю портовую шлюху. Откуда у меня манеры?

– Ладно, справедливо, – кивнул он, облокотившись на декорацию. – А откуда ты знаешь меня?

Она ещё раз втянула в лёгкие дым, высветив конец сигареты ярким огоньком, который тут же потух. Есть в каждом из нас такие маленькие черты, к которым приковывается взгляд, и ты думаешь: «Тоже хочу эту родинку/шрам/скулы» и прочее. Так вот, она вся состояла из этих необычных маленьких черт, из-за которых хотелось сделать несколько её снимков, повесить фото на арт-хаус выставке и смотреть, не понимая, что же в ней такого? Лучше, чтобы это были несколько кадров разных её кусочков, что, как пазл, висят на стене, собираясь в целую картину под определённым углом. Не сказать, что она красива, как та девушка в платье, но всё же...

Принц отмахнулся от дыма, стараясь не вдыхать. В этом месте пахло сыростью промокшей древесины, а теперь и табаком.

– Я была в твоём классе, но потом ушла из школы. И в параллельной группе универа.

– Ладно, но как ты запомнила меня?

Куртизанка потушила сигарету об ящик, а затем закинула в кучу декораций и коробок, где уже образовалась свалка окурков.

– Ты мне нравился, – ответила она, вставая с ящика. А затем медленно ушла в сторону уборной.

10 часов и 5 минут назад

– Я говорю о том, как мне жаль, прочие признания, целюсь, делаю выстрел, – палец нажал на курок револьвера. Тот щёлкнул и ничего не произошло. – Так?

Солдат стоял, вытянув бутафорский револьвер перед собой и целясь в Дворянина.

– Всё верно, – ответила Постановщица. – А ты? – она повернулась к Дворянину.

Тот вдруг схватился за грудь, будто ощутил невыносимую боль, и рухнул на одно колено. А после повалился на пол, кинув на неё взгляд, переполненный болью и сожалением.

– Потрясающе! – воскликнула Постановщица. – Ты непревзойдённый актёр!

Дворянин лежал на полу, не моргая и смотря перед собой, за кулисы. Совершенно бездвижно и бездыханно, парализованный невидимым выстрелом. Солдат нахмурился и сжал зубы.

Выстрелы врезаются в плоть.

Кровь на военной форме.

Крик наступившего на мину.

– Эй, – позвал Солдат, потряхнув головой, разгоняя воспоминания.

Но тут Дворянин улыбнулся и резко вскочил как ни в чём

не бывало.

– Спасибо, – ответил он Постановщице, а затем обратился к Солдату: – И тебе... за беспокойство.

В его словах звучал нескрываемый сарказм. Солдат отмахнулся револьвером и пошёл в сторону.

– Дошутись, – буркнул он.

Постановщица аккуратно положила руку на спину Дворянину, ведя его в сторону.

– Знаешь, ты потрясающий актёр. Когда я работала в театре, там было много действительно талантливых людей, поэтому я с уверенностью могу сказать, сравнив, что ты отлично играешь.

– Спасибо.

– У тебя действительно талант, – не унималась она. И продолжала вести его в сторону. – В будущем тебя это поднимет. Это не лесть.

– Я люблю свою работу, вот и всё.

– Вот именно, – полушёпотом произнесла Постановщица, говоря всё тише, когда они заходили за кулисы. – Все эти люди, они неплохо играют, но то, как они себя ведут – они же не профессионалы. Я могу предположить, что им просто некуда было идти, поэтому они согласились на этот спектакль. Но ты делаешь это ради дела.

– Хватит. Вы накручиваете, – он улыбался, собираясь сказать что-то в защиту остальных актёров, но внутри соглашался с ней и был удовлетворен, ведь его точку зрения разделяет

ещё один человек. Возможно, единственный, кто понимает всё это. Профессионал видит профессионала издалека.

Они остановились, и Постановщица убедительно посмотрела ему в глаза. Это был взгляд знающего человека, который говорит тебе: «Мы же оба знаем правду».

– Вот твой друг, Генрих, – она обернулась в сторону ярко освещённой сцены, глядя на Солдата, – Он актёр? Скажи мне.

– Мы не особо друзья с тех пор, как...

– Он актёр? Да или нет? – постановщица решительно уставилась на Дворянина своими тёмными усталыми глазами, покрытыми тонкими красными полосками сосудов.

Тот замялся, тоже посмотрел в сторону Солдата, который сейчас говорил о чём-то с другим человеком, игравшим бармена. Второй его друг. Первый был Роберт Полио – итальянец по отцу и местный по матери, а в итоге зажатый и пухлый паренёк. А Генрих был крупнее, но такой же замкнутый, грезящий о чём-то своём, как и все они втроём. Однако если кто и мог стать известным в школе, это был Генрих. Все, кто обычно подшучивал и старался толкнуть их, были тише с ним, ограничивались лишь усмешками, а иногда провокациями. Генрих был бойцовским псом, не знавшим о том, кем он является. Забитой собакой, боящейся кусаться. Но укусив однажды, он уже не мог отцепиться.

Но всё же Дворянин покачал головой:

– Мы много лет не общались... Но когда я знал его, он

не был актёром. Он служил в армии, пока его не уволили... Так что нет, он не актёр, – а помолчав, добавил: – Но для роли военного он подходит как никто другой.

– Нет, они не актёры, – Постановщица услышала то, что ждала, а остальное не интересовало. Её впавшие тёмные глаза отдавали блеском. Это бледное лицо в темноте было призрачно-пугающим. – Даже больше скажу – эти люди никто...

Сзади что-то звучно, с всплеском, шлепнулось на пол. Постановщица обернулась и увидела уборщика со шваброй и ведром у ног.

– Я никому, – прохрипел тот и приложил палец к губам. Местные интрижки и спектакли нужны были ему в последнюю очередь.

Самое интересное, что уборщик тоже был одет в стилистике восемнадцатого века, но дешёво, как обычный крестьянин. Дело в том, что не хватало человека на роль секунданта, а поскольку роль совершенно без слов – попросили участвовать уборщика. Хотя уж кого-кого, а уборщика это вообще не интересовало, но Постановщица так просила, что он сразу сказал своё твердое «ладно» и получил в руки костюм.

Так и вышло, что Секундант – совсем не актёр, а Солдат, хоть и был на самом деле военным, но также не знаком с театром и ступал туда, разве чтобы спросить, где здесь туалет. Однако кто лучше сыграет роль самого себя?

9 часов

и 59 минут назад

– Вы знакомы, что ли? – поинтересовался мужчина, исполняющий роль бармена.

Солдат кивнул слегка.

– Как тебя звать, кстати? – спросил Бармен, закручивая чёрные усы и смотря из-под густых бровей.

– Генрих.

– Джозеф. Просто Джо, – он протянул свою массивную ладонь и крепко пожал руку Солдата. – А ты неплохо играешь, скажу тебе.

Солдат усмехнулся, но даже с долей улыбки его брови не поднимались и не исправляли нахмуренный вид.

– Странно, что ты – солдат по роли, но у нас только последняя сцена вместе, да? – спросил Бармен. – Я имею ввиду... Вроде... В общем, я бы лучше изменил чуть сценарий так, чтобы солдат периодически сидел в баре и рассказывал о своих кошмарах бармену. А мы пересекаемся только в самом конце.

В ответ Солдат почесал щетину. Черты его лица были жёсткими и резкими, да и сам он был словно выточенная из камня скульптура. Сильный, грубый и слишком муже-

ственный. И Солдат и Бармен смотрелись рядом так, будто они недовольны жизнью и в шаге от революции. Вот только Солдат казался злым, а Бармен, как старый знакомый, может, дед твоего друга, который позвал тебя на охоту и недоволен тем, как неумело ты держишь ружьё и целишься, закрыв правый глаз. Именно так он смотрел в глаза своим посетителям, в то время как протирал стаканы за барной стойкой. Всегда его взгляд был таким, будто у него есть решение всех проблем. Сейчас он выслушает, кивнёт, скажет пару фраз, а люди будут крутить его слова в уме всю дорогу до дома.

– Я не актёр даже, – признался Солдат.

– Правда? – Бармен улыбнулся, и его усы дрогнули от ухмылки. – Да я ведь тоже.

Солдат нахмурился ещё больше, только в этот раз с нотами удивления.

– Так уж вышло, – пояснил Бармен, но это вовсе не дало никаких ответов на немой вопрос Солдата. – Но я правда был барменом. А ты что делал до этого?

– Я сержант. Служил по контракту, – сухо ответил Генрих.

– Вот так да! – удивился Бармен, улыбаясь.

– Как раз это и странно. Ты знаком с кем-либо из здесь присутствующих?

Бармен осмотрелся. Симпатичная, но слишком молодая для него девушка в золотом платье, которая годится ему в дочери. Но даже понимая разницу в возрасте, он не мог

не отметить её ровные контуры лица, приятные губы и сияющую актёрскую улыбку. Она играла Леди – ею, очевидно, и являлась.

Затем высокая и похожая на скелет Постановщица, которая явно страдала анорексией в прошлом либо у неё было так много детей, что бытовая жизнь выжала все соки.

Уборщик за кулисами – обычный мужичок в очках, немного похожий на педофила, но Бармен привык не судить о людях по внешности.

И смазливый парень, постоянно пялившийся на всех, особенно на девушек – Принц.

Не хватало только Куртизанки и Дворянина.

– Нет, в моём баре их не было, – констатировал он.

«Будь я в твоём баре, рассказывая истории из жизни за стойкой, ты бы даже меня сейчас не вспомнил», – подумал про себя Солдат, а вслух же сказал:

– По крайней мере, лично мне никто не знаком. Кроме него, – он указал на вышедшего из-за кулис Дворянина. – Он актёр, это я знаю точно. Но лучше бы его здесь не было.

– — Почему?

– Это личное, – отрезал солдат, затем всмотрелся в Принца. Это модельное личико он где-то точно видел и готов в этом поклясться. Но пока он не был в этом уверен на сто процентов. Быть может, просто лицо похожее, хотя человека с такой внешностью сложно спутать... разве что с такими же идеальными.

Входная дверь распахнулась, впуская холодный ветер со снегом...

9 часов 55 минут назад

«Чего ты уставился, боец? – думал Принц, снова заметив настойчивый взгляд Солдата. – Лучше в зеркало смотри, может, решишь привести себя в порядок».

Входная дверь распахнулась, и подул холодный ветер. Подчиняясь его порывам, в помещение влетели хлопья снега. Однако тут же человек захлопнул дверь. Вошедший мужчина осмотрелся с аристократическим видом и пошёл по грязной ковровой дорожке меж столов и стульев, оставляя за собой мокрые следы от туфель. Кроме сцены с лампочками ничего не освещалось. Барная стойка у дальней стены выглядела слишком одиноко, а пустые бутылки не заполняли пространство, а лишь придавали этому месту умирающий вид. Невидимый сквозняк пробивался в щели и раздувал паутинку.

Человек, одетый в строгий современный костюм, совсем не вписывался в остальную группу.

И тут Принц заметил вошедшего, прыгнул со сцены и направился к нему навстречу.

– Ну наконец! – воскликнул он, одновременно протягивая руку.

Человек в костюме пожал её, гордо держа голову, но затем неуверенно зачесал волосы назад, хотя они и так были уло-

жены довольно педантично.

– Здравствуй. Как репетиция? – мужчина бросил неуверенный взгляд на кучку людей в костюмах, пока те открыто рассматривали его. Постановщица гадала – это отец Принца или ещё кто? Прогонять или проигнорировать? Время было и так сжато, а подтягивать их актёрскую игру только предстояло.

– Ты не о репетиции пришёл говорить, – отмахнулся Принц.

– Просто дружеский вопрос.

– Ты мой адвокат.

Тот неуверенно почесал шею и заговорил:

– У них что-то есть на тебя.

Принц и бровью не повёл. Лишь спросил:

– Что и откуда они могли взять?

– Я... не знаю даже, но, кажется, появился какой-то свидетель, – он помолчал, затем положил руку на плечо Принцу: – Послушай, тебе нужно быть осторожнее. Да, предыдущие разы тебя будто оберегали, но что если...

– Да брось...

И правда, с самого детства его будто оберегали. Принц часто шутил, что богам интересно следить за ним, поэтому ему и везёт. То автобус, в который он не смог влезть, вдруг переворачивается на трамвайных путях. То случайно выигрывают все пять чисел в лотерее. То прорыв трубы в судежном архиве уничтожает его дело. Сложно поверить, что к этому

никто не прикладывал руку, он не сильно верил в бога или силу вселенной, но всегда полагался на эту необъяснимую удачу.

– Что, если у них и правда что-то на тебя есть? Тебе нужно сидеть тихо, а ты устраиваешь концерты. Что это вообще? – адвокат провел рукой, обводя сцену. – Что ты делаешь тут?

– Ай, да что там у кого есть, – снова отмахнулся он и сел на деревянный стул. Тот скрипнул и слегка покосился, готовый сломаться, если сядет кто-то потяжелее. – Это бред!

Адвокат поморщился, не то от пыльного театра, не то от упёртости Принца.

– Свидетель есть, – ответил он. – Вот что. И он выступит на следующем слушании.

Принц отмахнулся, закатив глаза.

– Я видел этого парня, – продолжал настаивать адвокат. – Он слишком самоуверен и ему совершенно наплевать на всё.

– А на деньги тоже?

– Именно так.

Со сцены позвали.

– Что, серьёзно? – вот тут улыбка Принца ослабла. Заплатанная самоуверенность треснула по швам.

– Да. Я подозреваю, что кто-то уже заплатил ему. Может, он даже и не свидетель вовсе. Ему могли...

Постановщица повторно позвала Принца по имени. Все ждали его и смотрели на переговорщиков.

– Надо что-то придумать, – кинул тот и медленно двинул-

ся к сцене. – Ты же придумаешь что-то?

Адвокат хмуро и неуверенно кивнул, но потом пожал плечами и добавил:

– Это надо обсудить.

– Хорошо. Посиди, – Принц указал на деревянный круглый столик, – насладись концертом. После договорим. Не уходи пока.

Лёгкий кивок в ответ.

9 часов 40 минут назад

Девушка грациозно развернулась, взмахнув пышным платьем, любуясь им. Слишком прекрасна для этого городка, по мнению многих, кто её окружал, и по её собственному. Она, как колышимый ветерком цветок среди травы. На лепестках блестит роса, она свежа и полна жизни, но так одинока здесь.

Сейчас её взгляд замер на Принце: он мог стать достойной парой на вечер. Тот общался о чём-то с каким-то человеком в костюме, а собеседник заметно волновался. Какое же влияние оказывает на него Принц?

Но тут его позвала Постановщица. Леди отвернулась, чтобы их взгляды не столкнулись опять.

– С кем он разговаривает? – задала она риторический вопрос, сама не зная кому, однако рядом оказалась Куртизанка.

– Какой-то офисный планктон, а может, его богатенький дядя.

– Не похож что-то, – теперь она всматривалась в Принца, шедшего уверенной походкой к сцене. – А он хорош, да?

Куртизанка посмотрела на того своими большими глазами, но ничего хорошего в нём, видимо, не разглядела. Её взгляд отражал лишь полное безразличие.

– Обычный модельный тип, – подытожила она.

– Тебе он не нравится? – удивилась Леди, подняв брови.

Куртизанка посмотрела на неё, заметила на её лице блёстки, что так раздражали.

– Мне его роль и образ не нравятся. Но да, вы бы сошлись.

Ответ был непонятен – принимать это за оскорбление или же напротив? Ну, не столь важно. А важно для Леди было другое. Детали.

– Я слышала, вы учились вместе, да? – спросила она, оторвав взгляд от Принца и посмотрев на Куртизанку.

– Да, немного. Он перевёлся к нам из элитной платной школы, которую не потянул из-за того, что его папаша попал под сокращение во время того обвала цен лет двадцать назад. Поэтому он был самым умным и привлекательным... Из-за элитной школы, в смысле. Его любили даже учителя, хотя не подозревали, что после уроков он дерётся за школой, а по выходным пьёт там же пиво. Потом уже меня перевели в другую школу. И всё, – она посмотрела на буквально сияющую в своих блёстках Леди. Та смотрела на Принца, беседующего с офисным мужиком, чьи волосы, покрытые гелем, выглядели так, будто он не мыл их неделю. И добавила: – Ты думаешь, что важны детали.

Леди повернулась. Она посмотрела ей в глаза, затем на порванную майку, потом на губы. И снова в большие глаза.

– Я провела много расспросов, – продолжала Куртизанка. – Знала, что живут они в нескольких шагах от школы

в двухэтажном доме с крытым бассейном. Что ворота их дома сломаны и не открываются, поэтому машину они паркуют перед ними. Он занимался музыкой, но в основном сам, дома, поскольку больше не было денег. И знала, что он мучил с девчонкой со стрёмным именем Салли, которая была простушкой и никому никогда не нравилась. Так не нравилась, что её даже не задирали. А потом наш Принц переключился на другую – из группы поддержки. Казалось, что он карабкается от низших к высшим, а потому я была уверена, что он не обратит на меня внимания. Ведь для этого ему пришлось бы снова вернуться к низам. Я была права – он даже не помнит меня. Да плевать.

Куртизанка заглянула в пачку с сигаретами, но закуривать не стала – сейчас будет репетиция.

– Музыка? А какой музыкой он занимался? – спросила Леди из своего транса.

Принца снова позвали к сцене. Когда он повернулся, та снова поймала взгляд: как он смотрит... смотрит в глаза... и снова всё вокруг затихло на мгновение.

Ветер замер. Цветок без движения. Лишь трава шумит вокруг, под синим небом.

Его губы не искажала улыбка, он не хмурился, а лишь прямо смотрел в её зеленоватые глаза. Не проявлял ли он симпатию? Но разве не считается её проявлением... такой взгляд? Глаза могут сказать больше.

Прошло ещё несколько минут в суете, которая прервалась

внезапным возгласом:

– Соберитесь! – звала Постановщица. – Последняя часть акта, а потом всё целиком! Давайте сконцентрируемся, тут совсем короткий, но важный эпизод.

Все персонажи принялись занимать положенные им позиции.

Солдат стал слева от середины. Под картонным деревом. Дворянин напротив него – справа. Возле картонной хижины.

Вдруг адвокат, всё это время почти дремавший, скинул ноги со стола и подорвался, не вставая с места. Как рвутся окликнуть знакомого человека, но потом сомневаются, что это тот самый человек. И этот человек сейчас был на сцене. Это не осталось незамеченным – Куртизанка и Бармен посмотрели на него. Адвокат будто хотел позвать Принца, раскрыл было рот, но решил удержаться, дождавшись конца репетиции. И всё же ему не сиделось на месте, он бесконечно глядел на кого-то из актёров.

– Льюис, идите сюда, пожалуйста! – позвала Постановщица.

Уборщик в крестьянской одежде оставил швабру и вышел, держа два револьвера, что делало его вид ещё более нелепым. Словно человек из прошлого попал в современный боевик и не знал, как обращаться с дьявольской находкой, оказавшейся в его руках.

– Так, – Постановщица посмотрела на всех, собираясь

дать пару наставлений...

Во входную дверь раздались два резких и коротких стука.

Снова тишина.

Звонка тут, конечно, не было, ведь это был старый, заброшенный ресторан. Бывший владелец пытался продать его много лет назад, но со временем город разросся, сделав это место никому не нужной и малопроезжимой окраиной близ городского порта. Летом, когда пекло сильнее всего, здесь пахло рыбой, зимой дома плохо отапливались, осенью и весной крыши протекали, а подвалы затапливались. Хотя когда-то давно данное заведение знали все и частенько распивали тут виски да ром под лёгкий джаз, который время от времени сменялся игрой на рояле.

От былого величия осталась лишь сцена, столы да барная стойка. Ну и ещё рояль, давно расстроенный и никому не нужный.

– Кто это?

– Опять гости.

– Мы когда-нибудь начнём?

– Начать начали, закончить бы.

Послышались возмущённые возгласы. Пока все возникали, Дворянин сошёл со сцены:

– Я открою.

Когда он проходил мимо столика адвоката, тот смотрел на него так, словно увидел призрака. Это неприятное чувство, когда ты идёшь, а голова человека поворачивается

в твоём направлении, и ты не можешь от этого никуда деться, разве что ускорить шаг.

Однако Дворянин его не замечал в упор. Зато это отметили Бармен и Куртизанка.

Он открыл дверь, и на него тут же посыпался холодный липкий снег. На улице, под тусклым свечением фонаря, стоял человек, зябко кутавшийся в пальто. Видно было, что он долго шёл пешком, поскольку его обувь и брюки были в снегу, которого уже навалило почти по колено. Да и у входа виднелась лишь одна машина – адвоката.

– На концерт не опоздал? – шизофреничным тоном спросил человек, подняв голову ровно настолько, чтобы тень от шляпы не открывала его глаз. Его голос можно было сравнить с тоном человека, который вот-вот засмеётся, но сдерживается. Будто прокручивал старую шутку в голове.

– Вы кто?

На плечах, шляпе и даже на усах и бороде у него налип снег – видно, весь путь он проделал пешком. Стоило ли того?

Постановщица тут же стремительно спустилась по ступенькам со сцены и направилась ко входу.

– Я? – человек стал оттряхивать пальто. – Я ваш единственный зритель, полагаю. Кто ещё сюда пойдёт, а?

Адвокат тихо усмехнулся, закинув ногу на ногу, готовый возразить.

Постановщица подошла, аккуратно пододвинув Дворянина:

– Спасибо, это ко мне.

Человек усмехнулся:

– К вам? О, нет-нет. Я на спектакль.

– У нас закрытая репетиция.

Человек провёл рукой по короткой бородёнке, приподнял голову, и его глаза блеснули.

– А вон кто? Да и столов сколько, – он посчитал пальцем. – Раз-два-три... Несколько десятков.

– Что вам ещё нужно?

«Ещё» – все, кто услышал это слово, подчеркнули его в уме. Значит, этот человек уже приходил.

– Вы дали мне *весь* список? – спросил он. Тембр его голоса скакал туда-сюда, придавая ему оттенок ненормальности.

– Да. Весь, – уверенно произнесла Постановщица и почесала нос.

Детектив покачал головой, словно этот жест выдал её.

– В списке семь человек, а тут – ну, побольше, думаю. Поэтому позвольте присесть, – он отвернулся к выходу, потянул дверь, и вечерняя заснеженная улица осталась во мраке.

– Почему вас так много? – он снял шляпу и стал оттряхивать её, по-прежнему стоя спиной ко всем.

– Произошли некоторые изменения, – уж что Постановщица могла, так это играть уверенность, хотя на лбу у неё выступила испарина.

– Изменения, – протянул он, а затем надел шляпу и натянул на глаза. – Изменения...

– Кто вы такой? – вдруг заговорил Дворянин, раздражаясь от наглости незваного гостя. Хотя сам-то он являлся лишь актёром и возмущаться ему было не на что.

Человек в шляпе повернулся, уставившись толи в пол, толи на Постановщицу. Та явно начинала волноваться, но Дворянин посмотрел на неё так уверенно и сказал:

– Не переживайте. Сейчас поправим. Может, вызвать полицию?

Человек коротко хихикнул. Постановщица замотала головой:

– Нет, – она развернулась к сцене, добавив тише, чтобы никто не услышал: – Он и так из полиции.

– Так я присяду? – спросил гость, топнул ногами по деревянному полу, стряхивая снег. В руке он нёс небольшую сумку.

– Что такое? – спрашивал Дворянин, явно считая своим долгом поправить ситуацию. – Он правда из полиции?

– Да, – они пошли в сторону сцены. – Ищет кого-то. И подозревает, что я укрываю какого-то преступника под этой крышей. Раньше подозревал, а теперь вот снова. Я представила списки всех, кто здесь, но... не совсем всех.

Они поднялись на сцену.

– Все по местам, – развеяла гул Постановщица. – Собрались, ещё раз, сконцентрируйтесь.

Говорила это она, скорее, себе, откидывая из ума незваных гостей, все проблемы, выставяя их за дверь разума, как

мусор, и входя в мир своего сценария.

Человек в шляпе сел за один из средних столиков так, чтобы быть как можно дальше от адвоката. Поставил сумку, сложил руки и со странной улыбкой уставился на сцену. Адвокат же несколько раз обернулся, с подозрением глядя на незваного гостя, но тот в ответ лишь мотнул головой, спрашивая: «Что?» Возможно, в уме адвокат перебрал существующие законы, позволившие бы в случае чего выгнать этого человека, но использовать их всё равно не стал. Как козыри в рукаве.

– В любом случае спасибо за поддержку, – сказала Постановщица, обращаясь к Дворянину. Тот кивнул и стал напротив Солдата.

8 часов назад

Кратко обсудили предыдущие ошибки, подчеркнули некоторые нюансы, и вот началась финальная сцена.

Солдат и Дворянин медленной походкой сошлись на середине сцены: прямо перед секундантом.

– И всё же, сударь, нам ещё не поздно отказаться, признав свои грехи друг перед другом.

Дворянин усмехнулся:

– Грехи признаю только перед Богом.

– Ну что же, сударь, воля ваша. Коль отступить достойно отказались, то Бог судья вам будет... в скором часе, – проговорил стальным голосом Солдат. В словах его звучала правда. Чтобы сказать её, ему не нужно актёрское мастерство. Нужно лишь вспомнить школьные годы, проведённые с Дворянином.

Они взяли по револьверу, держа их перед собой дулом вверх.

– А что до вас, миледи, – он повернулся к красивой девушке в пышном платье, стоящей поодаль, – признаюсь – верил до конца. Мой мир весь – вы. Без вас мне всё здесь чуждо. А я хочу домой. И лишь когда у дома с мезонином мы пили чай... Когда ладонью вы щеки коснулись... Когда

впервые стали мы близки... Тогда. Тогда я понял, что любое место будет домом, но только лишь когда со мною вы.

– Оставьте это дело, я прошу вас, – взмолилась Леди, хватая за руку Солдата, но тот неумолимо посмотрел в её глаза решительным взглядом. И та отпрянула: – Пожалуйста, оставьте. Быть может, я люблю вас, пусть не так, как раньше...

– Ну а к нему ваша любовь гораздо слаще, – перебив её, закончил Солдат. Леди молча склонила голову, не желая обманывать, но и не в силах признать правду. Тогда Солдат вздохнул так тяжело, что выдох отозвался эхом в пустом зале. Адвокат смотрел с любопытством. Человек в шляпе продолжал улыбаться. Где-то за дверью с рёвом проехала машина, разбавив тишину. И лишь после этой паузы Солдат продолжил: – Я был любим вами. Но уже не буду. И второй раз сильно так не полюблю.

– Довольно слов, – гордо воскликнул Дворянин, высоко задрвав голову. – Меня на завтрак ожидает мой отец и брат. А после мы устраиваем банкет, – он посмотрел на опечаленную Леди, и его губы растянулись в довольной ухмылке.

Дуэлянты одновременно развернулись спиной друг к другу, отсчитали несколько широких шагов (насколько позволяла небольшая сцена) и тут же повернулись, резко выставив револьверы. Первым нажал на курок Дворянин, однако после звучного щелчка он с наигранным удивлением посмотрел на своё оружие, явно не будучи готовым к подобному.

Солдат выждал паузу, уже готовый к смерти, и, про себя шепнув неброско: «Не сегодня», спустил курок.

Выстрел.

Дворянин схватился за грудь, рухнув на пол. Постановщица нахмурилась, всматриваясь на эмоции Дворянина.

Леди вскрикнула, готовая упасть без сил.

Из револьвера повалил дымок, как и было задумано.

Солдат медленно опустил руку. И тут же нахмурился.

Последняя часть пьесы заканчивалась на этом.

– Bravo! – медленно захлопал человек в шляпе. – Bravo, господа! Как будто вза-прав-ду актёры!

Солдат прищурился, хмурясь ещё сильнее, и от чего-то эти слова насторожили его. Дворянин шевелил губами, держась за грудь, когда вдруг пальцы и рубашка окрасились в алый цвет.

– Чёрт...

Тут и остальные заметили неладное. Леди повторно вскрикнула:

– О боже!

Под хлопки человека в шляпе послышались недопонимающие и шокированные возгласы. Солдат продолжал, хмурясь, всматриваться в пытавшегося что-то сказать Дворянина, в болезненную гримасу своего старого знакомого.

Тело лежит на сухой почве, тянет руку, которая затем безвольно падает.

В лужу крови.

Не обращая внимания на грохот сзади, неразборчиво крича, бежит вперёд, чтобы помочь.

Но взрыв разносит тело, оставляя взамен лишь комки грязи.

Тут же подбежала Постановщица, упала на колени, осматривая Дворянина. С места подорвался адвокат и переглянулся с Принцем. Остальные ещё ничего не успели понять, а уборщик и вовсе ушёл переодеваться, ничего не подозревая.

Кровавое пятно росло, и чем больше оно становилось – тем меньше секунд оставалось жить Дворянину. Постановщица что-то лепетала, судорожно осматривая застреленного дуэлянта, потом вдруг осознала, что следует делать, и крикнула в толпу:

– Дайте какую-нибудь ткань! Скорее!

Толпа стояла в оцепенении.

– Скорее! – повторила та, повернувшись ко всем.

Тогда вдруг усатый Бармен двумя большими шагами зашёл за кулисы, резким движением схватил штору из ящика и подбежал к Дворянину.

– Дайте мне посмотреть, – велел он, небрежно оттолкнув Постановщицу, затем разорвав рубашку Дворянина. Пуговицы посыпались по полу. Бармен пытался остановить кровотечение, нащупать пульс, однако Дворянин перестал шевелить губами и лишь смотрел перед собой за кулисы. – Лёгкое задето. Нужно чем-то зажать рану! Тут есть аптечка?

Постановщица дрожащими губами пыталась ответить, но получилось лишь отрицательно помотать головой.

– Черт, хоть что-то? – кричал он, неловко приставив тонкую шёлковую штору, окрашенную в алый. – Бинты?

Она вскочила и побежала за кулисы, шатаясь как пьяная, осмотрела всё. Затем отправилась на кухню, где стала открывать шкафы, но её попытки найти что-то подходящее казались бесполезными.

Тело продолжало лежать среди декораций, шевеля губами, глядя на убийцу с револьвером. Возможно, что он уже ничего не видел, но глаза его указывали именно на Солдата.

Тот встрепенулся и подключился к поискам.

– А вот и нарушение. Ни аптечек, ни противопожарного оборудования, ничего нет, – рассуждал человек из полиции.

– Аптечки требуются только на предприятиях, – сухо констатировал адвокат.

Солдат тем временем осматривал всевозможные шкафы, потом увидел выходящую из кухни Постановщицу, держащую какие-то тряпки.

– Эй, ты! Льюис, да? – Солдат позвал уборщика, выходящего из раздевалки, чтобы посмотреть, что там за суета.

– Да, сэр.

– У тебя тут есть бинты?

– Да, сэр, есть.

– Так тащи их сюда скорее! – нервно крикнул Солдат, видя медлительность уборщика.

Тот засуетился, забежал в раздевалку, отпер железный шкафчик и достал бинты.

– Есть ещё что-то?

– Что? – удивляясь, спросил уборщик, надевая очки.

– Вата, спирт, что угодно! Что найдёшь – бегом тащи на сцену!

– Что там такое?

Но Солдат уже выбежал из раздевалки, не отвечая. Он подбежал и резко упал на колени перед телом Дворянина, глядя на алую кровь, текущую у того изо рта, и протянул бинты Бармену. Кровь была именно алой, не тёмно-красной, а будто разбавленной. Такая ненастоящая, что верил в неё только Солдат, знавший вид крови.

– Он захлебывается, – подметил Солдат, видя во рту кровавую жидкость.

– Да, – кивнул Бармен. – Я не знаю, что делать в таких случаях.

– Откуда ты вообще знаешь, что делать?

– Потом. Я остановил кровотечение, но я не нащупаю пульс. – Бармен тоже понимал, что кровь самая настоящая, цвета томатного сока, но никак не вишнёвое варенье, которое он видел в дешёвых сериалах. – Я не пойму, чёрт возьми, он без сознания или уже умер?

Солдат схватил тёплую руку Дворянина, сразу же найдя пульс.

– Очень слабый.

– Чёрт, он задыхается. Может, ты даже попал в сердце.

– Нет, он бы сразу умер.

– Я вызвала «скорую»! – воскликнула Леди.

Постановщица одобряюще кивнула ей.

Принц сейчас стоял рядом с адвокатом, кивая на его слова, словно двое отстранённых от суеты человека, относящиеся к убийство спокойно, как к сбитому на дороге псу. Остальные просто глядели на спасение умирающего как на часть постановки или фильм. Только на лице полицейского в шляпе было спокойствие, словно он ждал подобного.

– Пульса нет, – заметил Солдат, продолжая держать руку товарища.

– Что б его, – выругался Бармен. – Мне кажется, он умер.

– Умер?

Постановщица подошла ближе, будто пытаясь разглядеть признаки смерти. Но сейчас она точно ничего не увидит – температура тела снижается на около 0,8 градусов по Цельсию в час, вместе с тем кровь, замершая в венах и артериях, обесцвечивается. Только нижняя часть тела станет фиолетово-синей, из-за притока крови, повинующейся гравитации. Она не знала этого, а потому пыталась увидеть доказательства смерти, разуверить себя в трагедии, убедиться, что это всего лишь глупый розыгрыш.

– Как это – умер?

– Чёрт, так! – выкрикнул Бармен, размахивая окровавленными руками. – Был и нет! Кажется, мёртв.

– В смысле – кажется? – спросил Принц. – То есть это не точно?

– Я же не врач. Но выглядит он мёртвым.

Все уставились на тело Дворянина, лежащее без всякого движения.

– Пульса нет, – подтвердил Солдат. – Он мёртв.

Воцарилось молчание. На сцену выбежал уборщик со склянкой спирта в руке и ватой, но остановился. Остановились и все остальные. Остановилась кровь в теле Дворянина. Было поздно что-либо делать.

Первым пришёл в себя Солдат:

– Отменяй «скорую», – он посмотрел на Леди.

– Что значит – отменяй «скорую»?

– Позвони и скажи, что вызов был ложный. Что это была ошибка, пьяная шутка... Что угодно.

– Зачем?

– Я сказал – отменяй!

Адвокат подошёл к сцене, желая возмутиться:

– Не отменяй! – сказал он Леди. – С чего ей отменять?

Вдруг Солдат вскинул руку с револьвером и направил на Адвоката, а затем посмотрел на Леди и повторил леденящим тоном, исключаящим любые апелляции:

– Отменяй.

Дрожащими рукам Леди набрала короткое число и позвонила, пытаясь что-то сказать. Адвокат поднял одну бровь, усмехнулся, но не возражал. Он знал, что и когда сказать,

а когда молчать. Сейчас выгоднее было второе: дать Солдату делать своё дело, командовать, угрожать – не важно, ведь он лишь загоняет себя в яму, которую Адвокат будет закапывать.

Леди опустила телефон и сообщила:

– Всё.

Солдат отвёл револьвер и Адвокат задышал ровнее. Ещё какое-то время все приходили в себя, когда вдруг Леди завила:

– Вы убили его.

Солдат поднял голову, посмотрев на неё, затем на труп, а после осмотрел револьвер, проверив барабан с патронами.

– Нет. Оружие было не настоящим. И патронов тем более не было. Кто-то подменил его.

– Но убил его ты! – Адвокат ткнул на Солдата, стоя у подножия сцены.

Тот посмотрел сверху вниз, но ничего не ответил. Да, убил он, и этого не мог отрицать даже он сам. Он помнит, как вскинул револьвер, по привычке прицелился, будто в самом деле желая убить, и как нажал на курок. Но также он помнит, что на репетиции уже жал на курок, а револьвер был легче, что сразу показалось ему странным и непривычным. В том, другом револьвере был порох, создающий эффект выстрела, пускающий дым из дула, но в нём не было патронов, что он точно помнит. И если так, то либо он опростоволосился и не заметил, что репетирует с настоящим револьвером, ли-

бо вышла подмена оружия. Но вопрос был в другом: он ли вставил патрон?

– Вы, – он обратился к Постановщице, – Вы же помните, что я жал на курок ранее. Вы знаете, что револьвер не настоящий, так?

– Ну, – она замялась, – да, он не настоящий. Но если его подменили...

– Он сам и подменил! – воскликнул адвокат с самодовольным видом. – Не очевидно ли?

– Заткнись, я этого не делал!

Адвокат вскинул руками и усмехнулся:

– Хорошо, допустим, не подменял, будь по-твоему. Но выстрел сделал ты, – он ткнул снова. – И убил его именно ты, – повторно указал на него.

– Ещё раз направишь свой палец в мою сторону – я его отстрелю! – рыкнул Солдат.

Адвокат снова развёл руками, будто показывая своё согласие, но ничего не ответил. Солдат понимал, что сейчас все и вся против него, и если бы приехала «скорая», а затем полиция, то, разумеется, был бы виноват именно он. А если бы всплыла его настоящая личность... Электрического стула не избежать.

– Согласен, – вдруг заговорил Бармен. – Согласен с тем, что револьвер подменили. Если бы он хотел его убить, то не стал бы так усердно пытаться спасти.

– Откуда ты знаешь, что он не сказал, что пульса нет, толь-

ко чтобы бросить попытки спасти его? – снова заговорил адвокат. – Или откуда ты знаешь, что это не притворство? Не будьте детьми, мыслите трезво!

Солдату снова захотелось направить оружие на него и сделать ещё всего один выстрел. В револьвере было только два патрона. Если уж приедет полиция или его объявят в розыск, то чтоб было не зря.

– Господа, это дело для полиции, – заявил человек в шляпе, почесывая бороду. – Затем он, как и адвокат, подошёл к сцене, протянул руку и сказал Постановщице: – Ключи от двери.

Про него забыли почти все, включая Солдата. Чего думать о «если», когда полиция уже здесь, являлась свидетелем сего происшествия. Один человек выстрелил в другого на глазах свидетелей, всё предрешено.

Постановщица подала связку ключей, но лишь после спросила:

– Зачем? – Посмотрела на реакцию Солдата, ведь оружие было у него, а значит, его решение весомее остальных – на несколько грамм свинца.

– Сейчас я закрою дверь, чтобы никто не разбежался, а затем дождусь полиции снаружи, чтобы разобраться в данной ситуации, – говорил он, идя к выходу.

В его спину, со сцены, направился револьвер.

– Стой, – негромко буркнул Солдат, но его слова не возымели действия.

Все устали на человека в шляпе, обладавшего немалым запасом храбрости, но в тоже время негодуя, что он хочет запереть их с убийцей. Вытянутый ствол смотрел прямо в спину, на старое потёртое пальто цвета вечернего моря. Он шёл уверенно, не хватало только насвистывать песню.

– Я говорю – стой, или я выстрелю!

– Нет, не выстрелишь. Тебе и мне известно, что ты не убийца, – человек хмыкнул и продолжил идти, звеня ключами. – Ты не убьешь меня.

Когда до двери осталось четыре шага, Солдат вдруг громко и отточенно заговорил:

– Массовое самоубийство в Кентукки. Уэйверли Хиллс. Луисвилл. Седьмой из списка – Фил Реймонд.

Человек замер, будто врезавшись в стену. На лице растянулась невидимая никому улыбка, и он усмехнулся.

– Левша из Кентукки, – иронично произнёс он. – Я ведь знал, что это было не самоубийство.

При слове «левша» все обратили внимание, что Солдат держит револьвер именно в левой руке. И как это раньше не заметили? Но пока ещё никто ничего не понял, кроме улыбающегося полицейского и самого Солдата.

– Я сразу понял, что это не могло быть самоубийством, – полицейский развернулся, звеня ключами и улыбаясь, словно сделал для себя важное открытие. – Три одинаковых самоубийства и только одна улика – седьмой из списка. Неужели это ты?

– О чём речь вообще? – спросил Бармен, вопрошающе глядя на Солдата, а затем на человека в шляпе: – Коп, может, объяснишь?

Человек в шляпе вскинул руку с ключами, словно к нему пришла идея.

– Год назад мы расследовали самоубийство, – начал он, по шагу возвращаясь к сцене. – Да, вообще я детектив больше, чем коп, так что... Называйте лучше «Детектив»... И вот, мы расследовали массовое самоубийство. Сначала это было не массово, только потом мы связали серию одних одиночных самоубийств с другими, но для меня началось всё в санатории Уэйверли Хиллс. Там часто поговаривали о призраках, когда вдруг нашли четыре трупа, застрелившихся в левый висок, – он постучал себя по виску, посмотрел на каждого, выждав паузу. – Трупы находились в разных комнатах, и всё указывало на то, что один застреливался, другой брал оружие и уходил в соседнюю комнату. И так, пока все четверо не умерли. Решили, что это обычные фанатики-сектанты или что-то похожее. Кроме того, что все застрелились в левый висок, ничего странным не казалось. Но потом подобное убийство произошло в Луисвилле: было небольшое собрание либералов, планировавших какую-то акцию ко Дню независимости. Присутствовали семь человек. И угадайте что? – Все смотрели на него, с любопытством слушая историю. – Полиция нашла шесть человек, застрелившихся в левый висок. Теперь подозрительным было

то, что не нашли седьмого из списка, по имени Фил Реймонд. Тогда-то и появилась теория, что седьмой – это убийца, и что он – левша, технично убивающий своих жертв, хватая их сзади, вот так, и стреляя в висок. Разумеется, в левый. Потом было ещё одно массовое самоубийство, однако без всяких улик, а ещё позже мы связали серию убийств, в том числе одного висельника, с этими событиями, но через какое-то время в полиции засомневались, что имеет место именно убийство и что «Левша» вообще существует. Но я верил в это. И что? – Он обеими руками указал на сцену: – Посмотрите на разгадку, она перед вами.

Все посмотрели на хмурого Солдата, сжимающего оружие в левой руке. Неужели человек, с которым они репетировали всё это время, – настоящий серийный убийца, может, наёмник, подстраивающий заказ под видом самоубийства своих жертв. Тот тяжело дышал, но ничего не отрицал. В общем-то, он же и поднял эту тему, о которой было известно лишь нескольким отделениям полиции... и их семьям, их друзьям и прочим, кому посчастливилось послушать ход сложных расследований. Либо он тот, за кого себя выдаёт, либо один из услышавших историю, может, даже через третьи уста.

– Тогда всё понятно, – адвокат хлопнул по своему колену. – Ты убийца.

Солдат вспомнил об обещании отстрелить адвокату палец, если тот ещё раз ткнёт, но сдержался. Патронов всего

два, однако – кто знает об этом, кроме него?

– Нет-нет, – вдруг остановил ликования Детектив.– Посмотрите теперь на эту жертву. Посмотрите внимательно на его левый висок, ну!

Все послушно повернулись, пытаясь что-то увидеть на бледном лице Дворянина. Только Постановщица и Леди отвернули головы в противоположную сторону, чтобы не видеть бледнеющее лицо, слепо смотрящее за кулисы. Температура в помещении была низкая, всё здание сквозило, а потому труп быстро холодел.

– — Видите? Он убит не в левый висок, а в тело. А значит – либо этот человек не тот, за кого себя выдает, либо он не планировал данное убийство, а его действительно подставили. Учитывая, что наш вояка знает имя седьмого человека, а его никто не знал, да и ко всему он – левша... Я голосую за то, что легенда перед нами, но сегодня не он настоящий убийца.

– Черт, да кто же тогда? – снова взбунтовался адвокат, сядясь обратно за стол. – Он сделал выстрел, а значит – он убил! На практике всегда, какие бы причины ни были, – если ты убил, то ты убийца.

– Нет-нет.

– Тогда, может быть, ты? – и адвокат указал пальцем на Детектива. – Что-то ты очень спокоен и рад событиям.

– Я пришёл, сел и сидел тут. Вон тебе свидетели, – он махнул головой в сторону сцены, затем подобрал края пальто

и уселся на свой стул. Тот закрипел под его весом.

Обстоятельства складывались таким образом, что убил один, а мотивы мог иметь и другой, разве что не считая факта – убийца знал убитого ранее и вполне мог иметь свой смысл для этого. Все находились в некоей невесомости мыслей, не решаясь на конкретные действия, как стадо овец, привыкших к пастуху. Не каждый понял, что именно сейчас произошло и что следует дальше. Зато Адвокат, Детектив и Солдат уже полностью сформировали собственные теории, прокручивая их в уме.

Солдат спрыгнул со сцены.

– Ключи! – велел он, и тут же Детектив метнул ему в руку связку.

– Он уйдёт! – воскликнул Адвокат, однако тут же поймал связку, брошенную Солдатом, как волейбольный мячик. Вопросительно посмотрев на ключи в своих руках, он продолжил сидеть на месте.

– Запри дверь, – скомандовал Солдат.

Адвокат неуверенно попятился к выходу, стараясь держаться полубоком, чтобы не получить выстрел в спину. Сейчас, когда Детектив рассказал свою историю, Солдат предстал в ином свете, и все смотрели на него с каким-то ужасом и параноидальным волнением. Человек убил больше десятка, при этом сделав всё так тихо, что в его существование и не поверили. Зачем? Кто он? А не станут ли они следующими жертвами, получив пули в левый висок?

Ключ провернулся, и массивный замок щёлкнул в двери.

– Никто не выйдет, – громогласно заявил Солдат, – пока мы не разберёмся, кто на самом деле хотел его смерти! Я не позволю осудить себя за то, в чём не виноват. Мне дали роль, дали оружие и сказали стрелять, и я это сделал, – он вспомнил, как отдавали приказы полковники и генералы. – Если бы я хотел убить этого человека, то сделал бы это иначе.

Детектив закивал с улыбкой.

– Но сейчас подумайте лучше над тем, что один из нас – настоящий убийца.

– А ты пушистый котёнок, – вдруг потеряв немоту, заговорила Куртизанка.

Солдат повернулся на голос, не ожидая такого заявления. Та стояла, слегка пошатываясь, словно под музыку, смотря на него исподлобья. Потёкшая чёрная тушь подчёркивала её большие глаза и придавала её облику некое безумие.

– Твои реплики в стиле «ищите убийцу», – она попыталась изобразить его жёсткий голос и хмуриться, как он, – совсем не уместны. Мы нашли убийцу, и это ты.

– А то, что здесь ещё один убийца, тебя не волнует?

– С револьвером тут ты. И стрелять умеешь.

– Если кто-то достал один револьвер, то смог бы достать и второй. Я не хочу смертей, мне нет смысла убивать кого-либо вообще! И если револьвер подменили перед самым выступлением, то я скажу точно: тот, кто это сделал, ещё здесь.

– В таком случае нам стоит опасаться как минимум двух людей, – подытожил Бармен.

– Я всё же настаиваю на своём, – вставил Адвокат, складывая руки и ожидая согласий.

– А знаешь, – снова заговорил Бармен, закручивая ус. – Я помню, как ты посмотрел на Дворянина. Как ты всматривался в его лицо. Ты ведь знаешь его, да?

Адвокат скользнул взглядом по равнодушному выражению лица Принца, но потом заявил:

– Нет.

– Вот, вы снова переглянулись, – отметил Бармен. – Вы, ребята, явно никогда не играли в покер.

– Плюс мой голос, – подняла руку Куртизанка. – Я тоже видела, как юрист пялился на Дворянина и переглядывался с Принцем.

– Да это смешно, – Адвокат раскрыл рот в удивлении, зачесывая волосы. – Я не успел бы подменить револьвер, даже зная о том, что у вас тут происходит и что здесь будет он.

Леди в это время присела на пол, а Постановщица принесла ей воды с кухни.

– Все слышали? – воскликнул Бармен. – Говорит: «*Даже* если бы знал, что он будет здесь»! Почему «*даже*», скажи-ка нам? Кто «он»?

Бармен подошёл к краю сцены и аккуратно спустился с неё. Тень от его массивной фигуры закрыла собой Адвоката.

– Я... Я, может, спутал его с кем-то... Не понимаю, о чём вы.

Адвокат потел, старался не отводить глаз, но уже не мог скрывать волнения.

Бармен смотрел на него. Смотрели со сцены Солдат, Куртизанка и Принц. С улыбкой наблюдал и Детектив.

– Ладно, послушайте, может, и знал, правда, – и он снова зачесал волосы назад. Они не изменили своего положения, но незаметно с этим он протёр мокрый лоб. – Да, пожалуй, я немного знал его. Да, он должен выступить свидетелем в одном деле.

Его щит упал, и правда оказалась открыта. Адвокат продолжал потеть и старательно удерживать взгляд прямо перед собой, сложив ноги и поддерживая колена. Сейчас он хотел только умыться и выпить стакан холодной воды, а лучше пива. Рука потянулась в карман, где была монетка с числом «50». Ровно столько дней он уже не пил и планировал сохранить это достижение.

– И ты убил его, чтобы тот не выступил против тебя, да? – предположил Детектив.

– Что? Нет же! – Адвокат выставил руки перед собой, словно демонстрируя безоружность. – Как бы я убил его? Я же тут сидел, между прочим, как и ты!

– Принц мог подменить оружие ранее, по твоей просьбе. Об этом вы говорили, не так ли?

Адвокат отрицательно мотнул головой, поправил рубаш-

ку и расстегнул верхнюю пуговицу:

– Да ну, что за ересь?

– А по-моему, логично, – сказал Солдат.

– Вот тебе что угодно будет логично, если это отведёт от тебя подозрения. А доказательства ваши где, господа?

Солдат молча сжал револьвер. Тот так хорошо сливался с ладонью, как продолжение руки.

– Доказательства будут, – Бармен облокотился окровавленными кулаками о стол Адвоката. – Ты дай нам немного времени и сам предоставишь все доказательства.

– Друзья, давайте остынем, прежде чем делать поспешные выводы, – Детектив встал с места, однако на него никто не обратил внимания. Он дважды громко хлопнул. Все повернулись и тот повторил: – Успокойтесь, ладно? Чуть остыньте. Не надо вершить самосуд. Полиция...

– Только попробуй вызвать полицию! – сказал Солдат. – Хоть кто-то кому-то позвонит и...

Он сдержался от угроз убийства и добавил более спокойно:

– Все положите свои телефоны на сцену.

Идея пришла к нему неожиданно, вместе со словами. Как предотвратить звонки? Забрать мобильники.

Постановщица выкатила свой маленький кнопочный телефон, не желая вообще в чём-либо участвовать, затем взяла плоский широкий мобильник из рук Леди и аккуратно выложила его.

– Я говорю – в с е! – повторил Солдат, подняв револьвер, так соблазняясь желанием выстрелить в потолок, но помня, что патрона всего два. Да и зачем вообще стрелять куда-то вверх? Эта идиотская манера показать свою решимость была неуместна. Перед ним были запуганные люди, желающие скорее решить конфликт, скинув с себя подозрения на других. И только один убийца. Он либо спокоен, либо в панике, либо злорадствует. О чём будет думать убийца в такой ситуации?

Нехотя каждый вытащил из карманов свои телефоны и положил на сцену. Адвокат мог бы претендовать на самое возмущённое выражение лица, а Детектив – на самого спокойного и смиренного, поскольку положил телефон с такой лёгкостью, будто у него припрятан второй. Солдат сдвинул ногой все телефоны в кучку, подумал, что с ними делать, затем взял алую штору со сцены, которой Бармен зажимал рану, смотал в неё все телефоны, завязав, и бросил на пол под сцену.

– Отнеси их на улицу, – скомандовал он Адвокату, который всё ещё был с ключами.

Тот нехотя поднялся, под суровые взгляды Бармена и Солдата, взял свёрток и понёс к выходу. Последний раз открылась старая дверь, впуская холодный сквозняк. Адвокат посмотрел, подумал над шансами добежать по сугробам до машины и уехать, затем посмотрел на низкие кривые дома и на тёмное ночное небо. Нет, шансы бежать или позвать

на помощь – чуть больше, чем у Солдата оказаться невиновным. Он бросил телефоны в снег, запер дверь и снова оказался в относительно тёплом помещении.

7 часов и 30 минут назад

Напряжение не спадало, однако теперь все точно знали – выйти так просто они не смогут. Последовав рекомендации Детектива, все держали себя под контролем, стараясь не сыпать напрасными обвинениями. В какой-то момент Леди сказала, что ей плохо и выбежала в сторону уборной, несмотря на оклики остановиться.

Постановщица направилась следом за ней, чтобы поддержать и по возможности успокоить. Возражать никто не стал. Солдату не нравилось, что кто-то уходит из поля зрения, но нотки человечности подсказывали, что изнеженная, как домашняя кошка, Леди слаба. Только что перед ней умер человек, истекая и захлёбываясь кровью, заполнившей лёгкие и горло. И теперь она заперта с подозрительно весёлым Детективом, отталкивающим всей своей натурой, начиная от потёртого кожаного чемоданчика и заканчивая его ехидной улыбкой, виднеющейся под бородой. Этот Адвокат с блестящим от волнения лицом, перебирающий в пальцах монетку с числом «50». Он часто поднимает глаза исподлобья на Солдата, а потом быстро опускает их, но сам понимает, что это невозможно было не заметить. Да и сам Солдат признавал для себя, что такая персона, как он, запертый

в одном помещении, пугал и Леди, и Постановщицу, чьё вечно бледное лицо и худая фигура будто наполнялись страхом и болезнью всегда – уж её-то нервы точно не готовы к таким раскладам. Может, из этой жалости он оставил их. Но не выпустил из здания.

Адвокат сидел на своём стуле в первом ряду, а напротив него, опираясь о сцену, – Бармен.

– Весёлая компания, нечего добавить, – протянула Куртизанка, садясь на край сцены и прикурив сигарету.

Солдат посмотрел на неё, удивляясь этому спокойствию в больших безразличных глазах, на которые свисали грязные локоны. В её повадках слишком мало женственности.

Благо её характер прост и очевиден, не нагоняет подозрение, как от некоторых...

Детектив подошёл к барной стойке, позвенел бутылками и, что-то найдя, воскликнул радостно.

– «Джой бир»! Лучшее пиво, что есть в этом худшем городе! А ещё виски какой-то. Это вы принесли? – удивлялся он, но никто не разделял его энтузиазма.

Солдат уставился на лицо Дворянина. Тот совсем недавно, будучи жив и бодр, кипел энергией, а теперь лежит, словно одна из декораций, – совсем не похож на человека. И даже убрать его некому. Он задумался о схожести людей с театральными куклами: они играют свою роль, переживают личные драмы, веселятся, плачут и улыбаются, а в финале попадают в ящик с другими куклами. Разница лишь в том, что

кукол потом достанут для нового спектакля, а ящик с человеком закопают в землю навсегда, оставив, словно декорацию, имя на камне, на память.

– Жаль твоего друга, – кинула Куртизанка. – Вы ведь были друзья, да? С Дворянином.

– Дворянином? Хах.

Дворянин больше известен ему как Мэйкон Торн – обычный парень, которого постоянно задирают в школе. Вторым был Роберт Полио – итальянец по отцу и местный по матери. И Солдат – Генрих, был на голову выше любого до девятого класса. Он дружил с ними потому, что их взгляды были близки, а враги – общими. Вот только его задирали реже, чем кого-либо, ведь он мог и врезать, о чём сам не знал. И поэтому он был единственным из трёх, кто мог пробиться к славе и не быть забитой собакой, какой он являлся. В один день поступило предложение подстроить встречу самой толстой и прыщавой девочки и одного из трёх изгоев: звонили и слали письма другие люди, так, что жертвы насмешки думали, что им пишут настоящие одноклассники. Ему писала Эмилия Смит, что только рассталась со своим парнем и якобы искала поддержки. Девушка со стройной фигурой, грудью четвёртого размера и пышными губами. А ей – тот самый парень, которого она якобы бросила, типичный качок, занимавшийся футболом. В итоге толстая девочка и изгой встретились, думая, что идут помочь самым красивым людям школы. И оба получили только насмешки и новые слу-

хи о них. Этим парнем был сам Генрих. А тем, кто предложил это подстроить, – Мэйкон Торн, он же Дворянин, что славился только своим актёрским мастерством со средней школы. Это актёрство и вывело его одного из трёх неудачников в список успешных. А затем привело и в театр. Дорога от школы до дома у Дворянина проходила через переулок на Смол-стрит, где никогда не было ни единой души, но часто сидели парни в спортивках с ножами в кармане, которые нуждались в чужих кошельках. Именно в этом проулке Солдат ждал его, представляя, как его кулак прилетит в челюсть зазнавшегося актёра с такой силой, что зубы погнутся и падают на язык, а кровь заполнит рот.

– Да, мы были друзьями. Достаточно давно, – кивнул Солдат. Он смотрел на труп Дворянина и не ощущал облегчения от его смерти. Он не чувствовал ничего.

Куртизанка ещё раз посочувствовала, засунула в рот сигарету и перевела взгляд на барную стойку.

– Ты что-то слишком весел для детектива, – сказал Бармен.

– Я слишком привык видеть смерть, у нас что-то типа партнерства. И если бы я грустил по каждому трупу, то уже сам застрелился бы от депрессии.

– Или ты хотел его смерти и теперь рад этому.

Детектив вздохнул и налил себе виски:

– Может быть. Только как бы я это сделал?

Никто не ответил.

– То-то же, – ухмыльнулся Детектив.

Куртизанка презрительно посмотрела на него, выпуская дым изо рта.

– А кстати, ты неплохо оказывал первую помощь, – продолжил Детектив, отпив виски и поморщившись. – Где ты научился этому?

– На работе.

– А кем ты работал?

– Барменом.

– Вот так ирония. Бармен играет роль бармена, – усмеялся он, смотря в стакан. – Как вообще ты в театр попал?

Тот явно не хотел отвечать ничего и потому буркнул:

– Тебя не касается.

– А что, барменов учат оказывать первую помощь?

– Ответ тот же, что и раньше.

Куртизанка спрыгнула со сцены, затушив сигарету, и направилась в сторону Детектива:

– Я хочу пива.

Спектакль обвинений ей явно наскучил.

– Прощу, – Детектив протянул бутылку из-за стойки, Куртизанка подошла, взяла её и открыла с легким пшиком. Стекло в оранжевой обёртке с рисунком улыбающегося яблока. Затем вернулась на своё прежнее место – на край сцены, свесив одну ногу меж тёплых лампочек, а другую подобрала под себя.

Принц вдруг подсел рядом с ней.

– Поделишься? – спросил он, протянув руку. – Хочу чуть попробовать, но не напиваться.

Она молча протянула ему бутылку, хотя тот почему – то был готов к язвительному ответу. Все вели себя относительно естественно, возможно, из-за того, что у каждого за спиной была жизнь, которая не позволяла удивляться чему-либо ещё. А может, каждый боялся сделать опрометчивый шаг и накликать на себя подозрения остальных. И все были собой или старались ими быть. Однако это театр, как знать, кто здесь лишь играет свою роль?

Солдат вдруг окликнул Принца. Тот нехотя обернулся, не задумываясь над тем, для чего его позвали, что от него нужно и прочее. Ему просто было всё безразлично.

– Кто этот человек тебе? – указал он на Адвоката.

Мой адвокат, кто же ещё.

Тот в это время внимательно следил за их разговором, а Бармен – за Адвокатом.

– Адвокат по какому делу? Этот человек выступал свидетелем против тебя, да?

Принц по-простецки пожал плечами:

– Откуда мне знать. Он унёс это в могилу.

Солдат спрыгнул со сцены, сбив ногой одну лампочку. Осколки со звоном посыпались на пол, тот прошёлся сапогами по ним и посмотрел на Принца. Он всматривался в, казалось бы, ничем не примечательное лицо, уверенный в том, что видел его ранее, когда вдруг что-то вспомнил и восклик-

нул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.